

«Патриотический примордиализм»: воображение этничности и нации в постсоветском Азербайджане

Социологическое эссе

Сергей Румянцев

Нация или культура, ставшая централизованной в результате длительного исторического процесса, испытывает непреодолимые трудности как в плане создания жизнеспособных подмножеств, так и в плане интегрирования в когерентные сверхмножества.

Жан Бодрийяр, «Америка»

Мы не должны руководствоваться мифом. Нации не даны нам от природы, они не являются политической версией теории биологических видов.

И национальные государства не были заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп.

Эрнест Геллнер, «Нации и национализм»

Abstract

The last years of existence of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic, as well as the two Post-Soviet decades, became the time of invariable interest and steadfast attention to the phenomena of ethnic and national identity. The growth of this interest, of course, cannot be a great surprise. The collapse of the Soviet Union, for the majority of Azerbaijanis, including (but not only) politicians, experts and social researchers, was directly connected with the nationalistic movements in the former Soviet republics.

More than two decades of the nation-state construction process have already passed at present. And now we may observe how the idea of construction of the civil nation comes into a great contradiction with the inculcation of the Soviet tradition, which aimed to represent the Azerbaijani nation in ethno-cultural terms (“titular nation”, etc.) and institutionalized ethno-national personal identities. The “Soviet type” of essentialist national discourse is still produced by the Azerbaijani scholarly communities, mass media, politicians, etc., and still remains very popular on the level of ordinary people’s everyday life as well.

It would be wrong to attach too much weight to the versions of radical nationalism “which threatens the stability of existing states”. Banal nationalism” or “ideological habits” rooted in everyday life are also particularly important. In the South Caucasus region (like elsewhere in the former Soviet Union) ideas of nationality as a biological and inevitable (ascribed) characteristic of any human being are common, everyday or “banal” as defined by Michel Billig. This type of “banal nationalism” did not lose its power after the collapse of the Soviet Union. In the context of these banal ideas, representatives of ethnic groups just cannot be integrated into large civic nations. They will never become

Azerbaijanis or Georgians. They always remain suspect in terms of their possible disloyalty towards the dominant groups.

The discourse of tolerance cannot realistically function where ideas of the nation as a biologically predefined entity are widespread. The discourse about danger acquires a far greater success and stronger resources. This kind of approach leads integration-related issues and problems out of the public debate domain and facilitates the preservation of an authoritarian rule.

О пользе рефлексивности

В начале 2000-х автор этого эссе стал участником стипендиатской программы для молодых исследователей из стран Южного Кавказа, которая вот уже скоро как десять лет проводится в регионе Фондом имени Генриха Белля. Участие в этой программе стало причиной роста моего интереса к феноменам этничности и этнических границ, нации и к процессам нациостроительства. Я вдруг осознал, что, окончив аспирантуру Бакинского Государственного университета, защитив кандидатскую диссертацию, постоянно участвуя в каких-то дискуссиях, где затрагиваются вопросы, связанные с этими феноменами, в реальности обладал незначительными познаниями в данной области.

Как практически каждый гражданин любой постсоветской республики, я воспринимал этничность и фиксированную в различных официальных документах национальную идентичность как нечто «естественное», как одну из базовых характеристик любого человека, привычно сопровождающих всех людей на протяжении всей их жизни, как объективную данность. Некое качество, данное нам от природы, которое мы не в состоянии никак изменить, или, тем более, избавиться от него. Или, по-другому, я не размышлял по поводу своих, казавшихся такими «нормальными» представлений, и вполне комфортно чувствовал себя в пространстве националистического дискурса.

Конечно, подобные представления не несли в себе обязательную установку на статусное ранжирование всех окружавших меня людей по их национальной принадлежности. Например, воображая нацию как объективную категорию классификации всех людей, я, как и большинство известных мне бывших советских подданных, любил утверждать, что национальная принадлежность не может быть причиной дискриминации. Известное всем выражение – «нет плохих наций, но есть плохие люди» – вертелось и у меня на языке. Впрочем, подобные убеждения не становились препятствием и для нерефлексивного принятия вполне расистских представлений.

В период моей «сознательной жизни» (которую можно, наверное, отсчитывать со второй половины 1980-х годов) вопросы, связанные с опреде-

лением феноменов этничности и национальности, всегда были и остаются заметно политизированными. Этому не стоит удивляться. В конце концов, национализм, без которого не существуют нации – это политическая идеология. Да и стоило ли ждать чего-то иного от советских политиков, ставших теперь уже постсоветскими или обывателей, для которых свежи воспоминания распада СССР. Кроме того, постсоветские политики не сильно стремятся к оригинальности. И по-советски критикуя национализм, весьма умело используют националистическую идеологию (чаще всего популистского толка) для укрепления своей власти. Называется эта версия национализма – патриотизмом.

Несмотря на то, что и теперь нередко можно услышать утверждение, что «плохих наций» не существует, для некоторых всегда было можно сделать исключение. Такие исключения делались и в советские годы, хотя официальная идеология отвергала любые формы этнического расизма, а также национальной дискриминации и утверждала, что нет «плохих наций», а есть только «вражеские классы». Но иногда представители какого-нибудь недостаточно «советского народа» (чеченцы, латыши или немцы) могли оказаться классово чуждым элементом. Все больше исключений делается и в постсоветский период. Как-то в студенческие годы, услышал от близкого друга почему-то запомнившуюся мне фразу: «Недаром говорят, что самые плохие нации, от которых весь вред – это армяне, греки и евреи». Впрочем, чего только не услышишь от обывателя. Да еще и с советским биографическим фоном. Не припомню, чтобы в 1990-е, когда я услышал эту фразу, стал спорить с другом.

«Вклад» социальных исследователей и историков

Однако натурализация (в духе примордиализма) и историзация дискурсов этничности и нации¹ становятся еще и прямой «заслугой» историков и социальных исследователей. А это уже проблема другого уровня. Казалось бы, та категория профессионалов, которые должны разрушать мифы, оппонировать этнонационализму и выступать с антирасистских позиций (все же на

¹ «Термин *примордиализм* (от английского *primordial* – изначальный, исконный) применяется для обозначения подхода, в рамках которого нации есть продукт развития этносов, а этносы, в свою очередь, представляют собой *естественные* целостности, которые могут быть поняты по аналогии с биологическими популяциями. Историзм, в том значении, которое ему придается ниже, – это *убеждение в возможности понять настоящее из прошлого*. Это вера в то, что ключ к смыслу событий, происходящих сегодня, лежит в истории. То, что случается сейчас, понимается как развертывание тенденций, имевшихся ранее» (подробнее см.: В. Малахов, *Национализм как политическая идеология*, Москва: Издательство «КДУ», 2005, 52-58).

дворе уже XXI век), напротив сама и производит этноисторические мифы и расистские клише. Причем, пользуясь данной ей властью номинации, проецирует эти клише и мифы на все общество. Кто станет спорить с академиком или профессором, который властью своего авторитета подтверждает стереотипы и заблуждения простого обывателя?

И вот здесь уже имеет смысл удивляться тому, что за все прошедшие после коллапса СССР два десятка лет, ученые на постсоветском пространстве все так же привычно манипулируют чуть модифицированным советским национальным дискурсом². Казалось бы, это та среда, которая должна порождать и/или привлекать к себе людей рефлексивных, критически мыслящих, ставящих под сомнение представления, основанные на здравом смысле. Пытающихся понять и объяснить социальные процессы. Не говоря уже о том, что очень многие представители этой среды провозгласили себя борцами с догматическими аналитическими рамками, навязанными ученым советской властью.

Конечно, нельзя утверждать, что каких-то изменений на постсоветском пространстве не происходит. Можно наблюдать постепенный процесс фор-

² Наиболее ясно эта традиция прямой преемственности просматривается в дефинициях нации: «Нация, – писал Сталин в своем первом научном труде, – есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (цитируется по: Y. Slezkine, „The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism”, in E. Geoff & R.-G. Suny, eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press, 1996, 203).

«Как и любая другая нация, азербайджанская нация – это исторически устойчивое общество людей, возникшее на почве духовной общности, выражающейся в общности языка, территории обитания, экономической жизни и культуры. Все компоненты, вместе образующие нацию, важны в равной степени. Необходимо учесть, что нация формируется только при совокупности всех этих компонентов. Так, на различных этапах многовековой истории Азербайджана существовали такие признаки нации, как единство языка, территории и духовности. Для возникновения нации недоставало только общности экономической жизни» (Т. Велиев, Р. Алиев, Ш. Тагиева и др., *История Азербайджана. Учебник для 10-го класса*, 2004, с. 183-184).

Во всех известных мне попытках описать азербайджанскую нацию, речь всегда идет об исторической/«этногенетической» устойчивой общности, в основе которой была общая территория (государственность) и язык (иногда с течением времени всех сплотивший, иногда изначально данный). Неизбежной («объективно заданной») кульминацией всякого рода «этногенетических» или «этноисторических» процессов становится, по этой версии, формирование нации из древнего этноса. Главное постсоветское новшество – это приписывание большей значимости религии (исламу) в контексте формирования общенациональной культуры. Впрочем, и в советский период (по крайней мере, в послевоенные годы) подчеркивалась позитивная роль религии в деле формирования единого народа/нации. Сейчас только подбавили позитива и убрали всю критику религии.

мирования нового поколения специалистов, занимающихся исследованиями в области нациостроительства, этничности и национализма в России или в Украине. Постепенно что-то меняется и в соседней Грузии. Но не в Азербайджане или, например, в Армении.

Наверное, критически мыслящей среды социальных исследователей и историков можно было найти больше даже в годы СССР, когда хорошим тоном для интеллектуала становилось если и не открытое сомнение в официальной идеологии, то хотя бы ироническое к ней отношение. Хотя бы и у себя на кухне. Когда появилась возможность говорить открыто, когда для критически мыслящих гуманитариев и социальных исследователей появилось куда больше шансов реализовать себя – оказалось, что и сказать нечего и некому. Например, работа Рахмана Бадалова, посвященная эпосу «Деде Коркуд», увидевшая свет в 1980-х, и теперь актуальна. Думаю, что для своего времени эта работа стала серьезным прорывом. В отличие от плохо скроенных современных попыток разных специалистов национализировать этот средневековой эпос.

Почему же в постсоветские годы не появляются интересные и значимые работы по социологии, антропологии, истории или философии? Справедливее, впрочем, уточнить – почти не появляются. Одинокое голоса теряются и практически не слышны в серых рядах громогласного хора, возносящего гимны «выдающимся исследованиям» и «исследователям», за работы которых не дали бы и диплома бакалавра ни в одном уважающем себя европейском или американском университете. Причем, как раз представления о «нашей» нации как максимально древней и великой, ставшей венцом развития «нашего же этноса», остаются той «священной коровой», которую продолжают холить и лелеять и в постсоветские годы.

На мой взгляд, если в советские годы абсолютное большинство гуманитариев и социальных исследователей занимались конструированием и обслуживанием официальной идеологии, то и теперь мало что изменилось. Разве что, становится все больше ощущения от богом забытой «научной провинции», и куда меньше слышна ирония и аргументированные сомнения. Куда-то подевалось все критическое мышление «наших» ученых. Перефразируя «великого комбинатора», можно сказать, что абсолютное большинство тех, кто называет себя специалистами, действуют по принципу: больше популизма, лести и огня в глазах, власти это понравится. И теперь неплохо поедать начальство взглядом и словом. Честно признаться, я бы скорее предпочел обсуждать работы Ленина, чем «программные статьи» доморощенного академика. Впрочем, умение пророчески вещать банальностями тоже ведь не каждому по карману.

Как «мы» вообразаем этничность и нацию

Вернусь к главной теме эссе и рискну сказать, что историзация и натурализация дискурсов нации и этничности напрямую связаны с непониманием специфики истории происхождения и смысла этих понятий. Ладно бы простые обыватели, но даже эксперты и специалисты в области социальных наук и истории продолжают мыслить в границах эссенциалистских дефиниций, принятых еще в годы формирования СССР³. Конечно, эти представления о национальном и этническом стали уже неким фоновым знанием, привычно сопровождающим социализацию практически каждого гражданина в любой из постсоветских стран. Я разделяю аргументированное утверждение, высказываемое целым рядом наиболее интересных, на мой взгляд, специалистов, что, в значительной степени, подобная ситуация является результатом советской политики институционализации этничности и нации⁴.

По справедливому мнению, Владимира Малахова, институционализируемая этничность была важнейшей базовой характеристикой любого гражданина СССР. «Приписываемая «этничность» (то есть определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть (само)

³ Здесь имеет смысл привести цитату из известного учебника Энтони Гидденса. «Социологи охотно используют термин *этническая принадлежность*, поскольку по своему смыслу это понятие является полностью социальным» (Энтони Гидденс, *Социология*. Москва: Едиториал УРСС, 2005, 222). По моим наблюдениям, подобное утверждение, казалось бы, уже на уровне учебника знакомое любому начинающему социальному исследователю, в Азербайджане найдет только очень немногих сторонников даже в академической среде. Не говоря уже об обывателях. В Азербайджане, как, видимо, и в любой другой постсоветской стране, напротив, широко распространено убеждение в том, что понятие этничность (как, впрочем, и национальность) относится скорее к биологии и наследуется детьми от родителей (т. е. передается через «кровь» и гены).

⁴ Slezkine, *The USSR as a Communal Apartment*, 202-238; Rogers Brubaker, *Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account*, *Theory and Society*, Vol. 23, № 1, 1994, 47-78; F. Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005; R.-G. Suny, „Making Minorities: The Politics of National Boundaries in the Soviet Experience”, in A. Burguiere, R. Grew, eds., *Construction of Minorities: Cases for Comparison Across Time and Around the World*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2000, 249-250; T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*, Ithaca & London: Cornell University Press, 2001; Владимир Малахов, „Преодолимо ли этноцентричное мышление”. In В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.), *Расизм в языке социальных наук*. Санкт-Петербург, 2002. Адрес в Интернете: www.indepsores.spb.ru/library/malahov.doc; Малахов, *Национализм как политическая идеология*; В. А. Тишков, «Российская нация и ее критики», in *Национализм в мировой истории*, под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана, М., Наука, 2007 и др.

идентичности. Отсюда произошла такая особенность <...> политического мышления, как *методологический этноцентризм* – взгляд на общество, как на конгломерат «этносов» («народов»). Этот тип мышления разделяется сегодня как массовым сознанием, так и значительной частью интеллектуальных и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным»⁵. Однако, позволю себе повториться, если подобный тип мышления еще простителен для обывателя, то можно ли прощать этот этноцентризм тем, кто величает себя академиками, профессорами или докторами наук? И это после двух десятков лет, прошедших с тех пор как СССР уже не существует, а «наша» интеллектуальная элита в большинстве своем громогласно заявила об отказе от советских подходов в науке.

Позволю себе еще и небольшое отступление. Я люблю вспоминать историю жизни, которую мне однажды (когда я еще не был социологом) поведала помнившая почти весь XX век дама преклонного возраста. Рассказывая мне свою биографию, она перебирала в памяти имена всех своих сестер, которых революция, советская урбанизация и индустриализация раскидали по всему СССР. Их было семь девочек в одной семье. И вот та, которую советская паспортизация 1930-х гг. застала в Литве, была записана в паспорте как литовка. Моя собеседница оказалась русской. Еще две родные сестры, жившие в Белоруссии и Украине, стали белорусской и украинкой. Не припомню всех подробностей, но все семь сестер были приписаны к семи разным национальностям. Рассказ этот я с интересом слушал в начале 1990-х, когда моя собеседница стала еще и еврейкой, что давало возможность ее дочери (азербайджанке по отцу и русской (?!) по матери) эмигрировать в Израиль. Стоит ли думать, что эта история нетипична?

Впрочем, в конечном итоге, именно советская власть и «упорядочила» эту неразбериху с национальными идентификациями своих подданных, институционализовав «титовые нации», «национальные меньшинства» и обязательную персональную национальность, к которым и приписала всех советских граждан⁶. Не стану отрицать, что, наверное, Мамед Эмин Расулзаде, Александр Дубровин или Евгений Коновалец знали бы, что написать о себе в пятой графе советского паспорта. И были бы заметно взволнованы (в отличие от моей собеседницы), если бы в пятой графе их паспорта появилась запись несоответствующая их самоидентификации. Однако много ли

⁵ Владимир Малахов, «Национальная политика» как феномен политической речи, in Владимир Малахов, *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. Москва: НЛО, 2007, 50.

⁶ Hirsch, *Empire of Nations*, 145-146.

было тех, кого этот вопрос волновал так же, как немногочисленных националистов начала XX века? Да и что доказывают их волнения? Могут ли они служить доказательством, что такой способ социально-политической организации коллективной жизни людей как нация существовал испокон веков и был нам дан самой природой вещей (а то и богом)? В подобное можно только верить, как националисты верят в то, что нации пробуждались, а не конструировались.

Как-то Роджерс Брубейкер заметил, что «никому разрушение мифов не доставляло большего удовольствия, чем Эрнесту Геллнеру, и никто не делал этого с большим мастерством; язвительность, с которой он разбивал мифы самих националистов – так же как и другие мифы – является ярким тому примером»⁷. Так вот, как раз Геллнеру принадлежит замечательно точный и язвительный комментарий по поводу этой веры националистов и патриотов⁸ в «национальное пробуждение». Геллнер называл эту идею «самой неверной посылкой националистической идеологии», «будто бы 'нации' заложены в самой природе вещей, что они только ждут, когда их 'пробудят' (излюбленное националистическое выражение и сравнение) от прискорбно-го сна при помощи националистического 'будильника'». И дальше:

Нации как естественный, данный от Бога способ классификации людей, как изначально уготованный им, хотя долго не осознаваемый политический удел – это миф. Национализм, который иногда берет ранее существовавшие культуры и превращает их в нации, иногда изобретает новые культуры

⁷ Brubaker, *Nationhood and the National Question*, 272-273.

⁸ Чтобы не повторяться все время, отмечу, что, как и для абсолютного большинства современных исследователей, и для меня слова националист и патриот являются синонимами. Традиция разделять «плохой национализм» и «хороший патриотизм» сложилась в результате реализации советской национальной политики. Советская власть осуждала далеко не каждый национализм. Тот национализм, который обозначался как национально-освободительное движение в странах третьего мира, например, поддерживался. Конечно, любые даже незначительные намеки на что-то подобное в границах СССР жестко пресекались. В этом смысле СССР не сильно отличался от многих других империй или даже национальных государств. В годы Союза активно поддерживалась еще и обязательная любовь к «своей» национальной республике. Конечно, все советские граждане должны были любить свою большую родину – СССР (советский патриотизм/ национализм). Но эта любовь никак не препятствовала публичному проявлению параллельной любви к своей национальной республике (этнонационализм). Муслим Магомаев пел и про Москву, как «Лучший город Земли», и “Gözəl Bakı”, и о СССР – «Я о Родине пою», и еще раз о своей Родине – «Мой Азербайджан» и «Весенний край Азербайджан». Эта спонсируемая властью любовь к родинам (большой и малой) называлась патриотизмом. Национализм, по этой версии, становился буржуазной («плохой») версией патриотизма. Так эти понятия разделяют и теперь, по-советски откровенно от слова национализм. И это еще один пример того, как националистический дискурс сохраняет свою советскость.

и часто уничтожает старые, – это реальность, хороша она или плоха, и, в общем, реальность неизбежная. Исторические носители национализма не понимают сути того, что они делают, но это уже другой вопрос⁹.

Можно, конечно, смело предположить, что националисты в России, Украине, Азербайджане или Грузии (короче, на постсоветском пространстве) и без большевиков постепенно сконструировали бы свои нации. Однако им такого шанса не выпало. Мы же, пережив советскую национальную политику, все изменились. Теперь «мы» – это уже не только может и могучая, но всего лишь кучка националистов начала XX века. «Мы» все стали национальными. Теперь, впрочем, и время такое, когда быть национальным означает – быть нормальным. Подобного рода представления распространены почти во всем современном мире. Большая часть человеческого мира планеты Земля сделалась национальной. Большевики только следовали этой общей тенденции нациостроительства, которая набирала силу в Восточной Европе вначале XX века. Думали, что смогут оседлать, использовать, а потом еще и обуздать национализм. Получилось не совсем так, как планировалось. Впрочем, только ли с нациостроительством?

Членство в нации в разных сообществах может определяться по-разному. Истоки «нашей» версии представлений о том, что значит быть национальным, следует искать в социально-политических процессах, протекавших в Российской империи и СССР в XX веке¹⁰. Причем, важнейшим периодом нациостроительства совпадает с реализацией советской национальной политики. В результате реализации этой политики все «мы» усвоили те представления и заблуждения, о которых говорит Малахов.

Неким побочным результатом этой политики, по словам Мишеля Фуко, можно считать еще и широкую распространенность права собственности на национальный и этнический дискурсы. Это право так и не было жестко присвоено «точно определенной группой индивидов»¹¹. И простой обыва-

⁹ E. Gellner, *Nations and Nationalism*, Ithaca, New-York: Cornell University Press, 1983, 48-49.

¹⁰ Т.е. в период масштабной институционализации этничности и нации, а также быстрого распространения всеобщего среднего и массового высшего образований.

¹¹ Необходимость массового образования для формирования нации трудно переоценить. Так, по справедливому мнению одного из самых авторитетных специалистов по истории национализма: «Сегодня большинство ученых согласится с тем, что литературные национальные языки, как в письменной, так и в устной своей форме, не могут возникнуть до распространения книгопечатания, массовой грамотности, а, следовательно, и всеобщего школьного обучения» (E. Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press: Cambridge, 2002, 10).

Однако, специфика массового образования распространенного в годы СССР (например, обязательные для всех школьников и студентов подробные курсы по советской и менее

тель, и ученый, и эксперт чувствуют себя одинаково комфортно, анализируя различные процессы и высказывая разнообразные оценочные суждения, в которых феноменам нации и этничности отводится роль все объясняющих понятных и привычных категорий. То есть принимая «категории практики в качестве категорий анализа»¹².

Впрочем, стоит ли винить простого обывателя, которого всю его жизнь учат тому, что нация – это некая объективно самой природой заданная реальность? Обывателя, который впитывал на уроках истории такие представления о нации, в основе которых лежит сталинская дефиниция? Если, не дай бог, у него была в школе еще и четверка, а то и пятерка по национальной истории, то его уже никак не переубедить. Это уже эксперт, который легко жонглирует терминами этничность или этнос. Но можно ли прощать ученому приверженность таким представлениям? Почему «нашим специалистам» невдомек, что «нация», «народ» или «этнос» суть способы «понятийной организации социальной реальности, а вовсе не «сама» социальная реальность»¹³. Причем, в нашем случае, это еще и способ сталинской понятийной организации социальной реальности. Влияние австрийских марксистов на представления «великого кормчего» – слабое утешение.

Представления об этничности и нации, которые прижились в результате советской политики институционализации индивидуальной и групповой идентичностей и теперь уже стали неотъемлемой частью так называемого «здорового смысла» и обывателя и ученого/эксперта, играют важную роль в повседневном определении и классификации окружающих того или иного индивида людей. Окружающие нас люди, как правило, воспринимаются не только как соседи или, например, коллеги, но и как представители (члены) тех или иных этнонаций и/или «этносов». Последний термин приобрел, видимо, максимально возможную популярность и распространение. Он постоянно используется как в научных работах и масс-медиа, так и на уровне «кухонных бесед». В этой ситуации просто отсутствуют хоть какие-то попытки рефлексии по поводу того, насколько «естественными» и оправданными являются подобные представления о мире людей.

подробные для национальной истории), а также быстрая инфляция доверия к гуманитарному знанию в период распада Союза (когда происходила постоянная реконструкция («пересмотр» истории), способствовали тому, что любой обыватель чувствует себя весьма уверенно, рассуждая по поводу любых (в том числе и весьма сложных) социальных феноменов и процессов.

¹² R. Brubaker, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 15.

¹³ Малахов, *Национализм как политическая идеология*, 27.

Я хорошо помню, как в конце 1980-х приживалась эта традиция, когда, рассказывая о каком-то человеке, в первую очередь упоминали его национальность. В те годы я с удивлением узнавал «кто есть кто» в моем школьном классе. Конечно в «нужном» возрасте и при советской власти все узнавали о принадлежности соседей или школьных товарищей к той или иной нации. Ведь именно советская власть и ввела институт обязательного документирования этничности каждого советского гражданина. Однако, именно в ходе распада СССР и быстрой актуализации этнонационалистических идеологий и представлений категория этнической идентификации и национальности приобретала особый смысл.

Когда дискурс о дружбе народов утратил официальную поддержку, оказалось, что народами можно не только дружить, но и враждовать. В результате жесткие натуралистические и исторические рамки описания и фиксирования групповых этнических границ и персональной этнической идентичности пришлось по вкусу политикам, ученым и обывателям и в постсоветский период. Просто «дружбу народов» сменили на «межэтнический конфликт» и дискурс об опасности утраты «нашего» главного сокровища – этнокультурной идентичности. Все остальные дискурсы нации и этничности мало изменились. Раньше советскими народами дружили, теперь этнонациями либо враждуем, либо вступаем в осторожные союзы.

И в советские, и в еще большей степени в постсоветские годы социализация каждого будущего гражданина проходит в пространстве, где все окружающие его люди приписаны этнографами и историками к конкретным «этносам» и нациям. Где и теперь широко распространены стереотипы о «генетических» кодах «этнической ментальности», которые с любовью описывают те же ученые. В результате каждого нового воспитанника школ и институтов учат воспринимать мир людей, как жестко разделенный на разные этносы и нации. В определенном возрасте «нам» уже кажется, что подобные мысли являются частью объективного повседневного опыта. И, что важно, они никак не противоречат простому «здравому смыслу».

Специфика формирования научного сообщества в стране, в свою очередь, также не способствует появлению специалистов, которые выступали бы с антиэссенциалистских позиций и стремились бы к тому, чтобы инициировать (для начала, хотя бы в академическом сообществе) дискуссию о необходимости пересмотра подобных основ «здравого смысла». К сожалению, и в академическом сообществе не помнят о том, что, «как совершенно справедливо заметил Льюис Уолперт, все, что принадлежит к области «здра-

вого смысла», то есть строится на допущениях повседневной жизни, почти наверняка является ложным»¹⁴.

В постсоветском Азербайджане, конечно, состоялся довольно широкий круг специалистов/экспертов, которые обладают особыми правами ответственности на национальный и этнический дискурсы. То есть речь идет о праве, воспринимаемом, по словам Мишеля Фуко:

как право говорить, как компетентность в понимании, как узаконенный и непосредственный доступ к корпусу уже сформулированных высказываний и, наконец, [что в случае с нашей темой особенно важно подчеркнуть, *авт.*] как способность облекать этот дискурс в решения, в социальные институты или в практики¹⁵.

Что же касается этой «компетентной группы», состоящей из социологов, историков, политологов, этнографов и пр.¹⁶, то и здесь за все постсоветские годы так и не прижилась традиция осмысления и применения в исследовательской работе всего того огромного опыта, который был накоплен «западными» специалистами¹⁷. Каждый «наш» новый труд, видится выдающимся вкладом и достижением. Эрудиция заменяет теоретическую рефлексию. Каждая монография начинается с Платона или Аристотеля, обязательно что-то такое сказавшего, что современный ученый легко может напрямую (вовсе не как красивую метафору) приложить к модерному, а то и к постмодерному обществу (?!).

¹⁴ Цитируется по: Эрнест Геллнер, *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. Москва: Московская Школа Политических Исследований, 2004, 93.

¹⁵ Мишель Фуко, *Археология знания*. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2004, 142.

¹⁶ Помимо перечисленных специалистов в области исследования социальных процессов, к этой группе было бы уместно отнести также политиков и этнических активистов.

¹⁷ По справедливому замечанию Гасана Гулиева: «От советской научной культуры азербайджанская наука оставила и чрезмерно усилила негативное отношение к западной (буржуазной науке), которая на самом деле олицетворяла нормальную науку. До сего времени сохранилось это чувство неприязни нормальной научности как проявление весьма опасной для самосохранения постсоветской национальной науки «буржуазной псевдо или лженауки»» (Г. Гулиев, *Архетипичные азе́ри: лики менталитета*, Баку: «Ени Несил», 2002, 84). К сожалению, это весьма здравое размышление мало помогло самому Гулиеву, автору книги об «архетипичных азе́ри», которую я бы назвал гимном эссенциалистскому подходу к описанию нации. Эта работа – интересный пример того, как распространенные в современном Азербайджане стереотипы, стили и нормы поведения (многие из которых как раз очень точно и интересно описывает Гулиев), проводимые им в процессе анализа через процедуру реификации и историзации, превращаются в некие закодированные и «объективные» черты менталитета «архетипичных азе́ри» (Гулиев, *Архетипичные азе́ри*). Эта работа навеивает какое-то ощущение *déjà vu*. Новое пришествие давно, казалось бы, забытого типа исследований характера какого-нибудь народа или его души, модных в Европе XIX века.

Подчеркну, что практически во всех известных мне работах отсутствует сколько-нибудь значимая теоретическая рефлексия и исследовательская база. То, что должно исследоваться (этничность и нация) воспринимается и описывается как неизменная во времени примордиальная данность, как способ объяснения социальной реальности. Работы, претендующие на звание научных и исследовательских, по сути, отражают только банальные клише и стереотипы самих авторов. В содержательном плане большинство известных мне работ, появившихся в постсоветский период, представляют собой, по большей части, спекулятивные рассуждения о примордиальной значимости таких феноменов политической и социальной организации людей, как нация и этничность.

Или речь идет об этнографических текстах (то, что на «Западе» давно уже называют *folk studies*), основанных на методологии и, в значительной степени, идеологии (с некоторой сменой акцентов), принятой еще в далекие 1920-е-1930-е годы, в период формирования СССР. Как правило, за рамки представлений, окончательно утвердившихся в советской науке в годы публикаций многочисленных работ самого интересного из примордиалистов Юлиана Бромлея, исследователи также выходить не пытаются. В постсоветский период широкую популярность приобрела, пожалуй, еще только пассионарная теория этногенеза Льва Гумилева¹⁸. Наконец, как мне представляется, даже специалисты чаще всего просто не владеют информацией

¹⁸ Или скорее яркий миф, сконструированный Гумилевым. Например, Самед Сеидов говорит о возможностях выдвигаемой им теории, помимо прочего, в применении к теории *пассионарной личности*. По его мнению, речь идет об «оригинальной интерпретации феномена личности». По Сеидову, это «оригинальная типология личностей» Льва Гумилева, которого он считает автором «выдающихся научных открытий в области законов этногенеза» и пр.

Или, например, Рафик Сафаров, позиционирующий себя в качестве историка, этнолога и демографа, предлагает «этнодемографический и этногеографический» анализ процессов изменения этнического состава населения Иреванской губернии в XIX-XX веках, основанный на терминологии и теории этногенеза Гумилева.

Пользуясь вольным стилем эссе, позволю себе вспомнить, как где-то (кажется в одной из статей Виктора Шнирельмана) прочитал о том, что главными поклонниками теории Гумилева были студенты. Студенты восхищались идеями Гумилева в «эпоху застоя», когда он творил свой известный ныне миф о «пассионарных» или, напротив, растерявших всю свою «пассионарность этносах» (последнее, конечно же, не о «нас»!). В этом студенческом интересе, возможно, было что-то от протеста. Отказа от принятых в советской науке жестких аналитических рамок. Когда-то и я сам, будучи студентом, увлекался мифами Гумилева. С тех пор профессиональная социализация заставила меня вырасти из «студенческих пеленок пассионарности». Впрочем, многие куда более маститые ученые на всем постсоветском пространстве и теперь чувствуют себя очень комфортно в этих «пеленках».

о современных исследованиях, методологии их проведения и основанных на них теориях.

Самому автору этого эссе также понадобилось немало времени для преодоления всех тех многочисленных стереотипов, которые с раннего возраста прививались ему социальным окружением. Понадобилось еще больше времени для того, чтобы избавиться от влияния всех тех мифов и представлений, на которых, зачастую основана большая часть советских и постсоветских исследовательских публикаций и научных монографий, посвященных изучению и описанию данных феноменов. То есть понадобилось немало времени для того, чтобы выйти за рамки патриотизма (синонима национализма), который не совместим с исследовательской работой. По справедливому мнению Эрика Хобсбаума,

ни один серьезный историк наций и национальных движений не может быть убежденным политическим националистом. В этом отношении его, самое большее, можно уподобить человеку, который верит в буквальный смысл Священного Писания <...>. Ведь национализм требует слишком твердой веры в то, что явно не соответствует действительности. Как заметил Ренан, «ошибочный взгляд на собственную историю – это один из факторов формирования нации»¹⁹.

Или, по-другому, невозможно заниматься исследованиями национальных сообществ, этнических границ и т.п. феноменов, используя в своей работе язык националистического дискурса²⁰. Подобный подход допустим для идеологов национализма, но не для его исследователей.

Нация и национализм

Имеет смысл предложить и какую-то альтернативу всему этому натурализму и историцизму. Я, впрочем, не берусь в этом эссе за серьезный обзор основных теоретических направлений и фундаментальных работ, посвященных национализму, процессам нациостроительства и пр. Такие работы уже давно существуют. Я только упомяну о том направлении, которое быстро распространяется в среде современных специалистов в области социальных наук²¹.

¹⁹ Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780*, 12-13.

²⁰ Малахов, *Национализм как политическая идеология*, 122-130.

²¹ Библиография работ, цитируемых мною при подготовке эссе, может служить своего рода ориентиром для всех интересующихся данной проблематикой. Конечно, я упоминаю только несколько ключевых и наиболее значимых работ и имен. Однако, если бы азербайджанские исследователи обратились бы для начала хотя бы к этим работам, возможно ситуация постепенно начала бы меняться. Конечно, всегда остается проблема доступа к информации. Поэтому подчеркну, что большинство текстов, которые упоминаются в данной статье, уже давно переведены и на русский. Часть из них доступна в Баку и на английском.

Но начну с утверждения, что в исследованиях феноменов этничности или нации (как, впрочем, и при всех других социальных исследованиях) всегда необходимо четко и ясно обозначать свою позицию или, по-другому, теоретические фреймы, в которых анализируются полевые материалы. Самое наивное убеждение состоит как раз в том, что можно оставаться объективным. Или объективно анализировать собранные полевые материалы. Нужна не объективность (которой нет и быть не может), а строгая теоретическая рефлексия. Именно такой подход дает возможность понять, какого направления придерживается автор и как аргументирует свою приверженность выбранному теоретическому направлению.

Важнейший принцип состоит еще и в том, что не существует очевидных и однозначных понятий для сложных и разнообразных социальных феноменов. Одно из своих эссе в известной книге «Нация, раса, класс» Эммануэль Валлерстайн начинает с мысли о том, что:

Казалось бы, нет ничего более очевидного, чем понятие народ. Народы имеют свои имена и истории. И, тем не менее, любой, кто когда-либо проводил социологические опросы среди людей, предположительно принадлежащих к одному народу, на вопрос об их национальной принадлежности непременно получал великое множество удивительно разнообразных ответов, в особенности в случае, когда этот вопрос не стоит на политической повестке дня. Любой студент, изучающий политику, знает, насколько страстные политические дискуссии разворачиваются вокруг этих названий.

В конце этого пассажа, Валлерстайн, в свою очередь, приходит к выводу, что «люди склонны недооценивать сложность, запутанность и противоречивость этой проблемы, считая все очевидным»²². Эта кажущаяся «очевидность» часто становится серьезным препятствием для проведения глубинного анализа. Многие исследователи просто не считают необходимым четко определять в своих работах такие привычные в повседневности категории, как народ, нация, этничность. Первые два понятия становятся просто синонимами и нередко приравниваются еще и к термину «этнос». В дополнение к подобному подходу, в Азербайджане и теперь считается нормой, если ученый/исследователь заявляет о себе как о патриоте. Большинство из-

Очень многие из этих текстов давно уже можно найти в Интернете. Что называется, было бы желание и стимул. К сожалению, при подготовке диссертаций в Азербайджане гораздо больше внимания уделяется обязательному цитированию «наших ученых». И, конечно, в первую очередь, важно упомянуть выдающиеся достижения научного руководителя. Современная теоретическая дискуссия далеко не так важна.

²² Э. Балибар, И. Валлерстайн, *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*, Москва: Логос-Альтера, 2003, 85.

вестных мне работ как раз и содержат прямые указания на патриотическую ангажированность их авторов. Например, Джамиля Гасанлы заявляет, что Азербайджан с 50-х годов боролся за «сохранение своих национальных корней, за право пользоваться своим национальным языком и иметь свою национальную культуру, переживший в этой борьбе драматические потрясения, вышел с честью из этих испытаний и добился исторической победы»²³. И таких оценочных суждений в монографиях Гасанлы можно найти множество. При этом ни в одной из известных мне работ, авторы совершенно не рефлексируют по поводу парадоксальности этой ситуации. Напротив, каждый утверждает, что, конечно же, остается исключительно объективным. Такой вот оксюморон: объективный ученый – патриот²⁴.

Националистические идеологии, сопровождающие процесс формирования наций, со времени существования СССР неизменно воспринимаются как не имеющие к «нам» отношения. Национализм – это всегда не «наша» идеология, а националистами всегда являются представители других национальных сообществ. Данный подход препятствует правильному пониманию процессов конструирования наций и этнических границ. При этом, само определение нации в среде социальных исследователей и гуманитариев в Азербайджане, как правило, не вызывает серьезных споров. Повторюсь: в Азербайджане по-прежнему широко распространено, по сути, сталинское определение нации. Вся серьезная и длительная «после-сталинская» дискуссия по вопросам определения феномена нации практически не затронула азербайджанскую науку.

Ограниченный рамками эссе, я все же позволю себе несколько длинных цитат. В конце концов, целый ряд блестящих специалистов уже описали феномен нации так точно, как мне все равно не удастся. Итак, по авторитетному мнению одного из наиболее знаменитых теоретиков национализма Эрика Хобсбаума:

Попытки установить объективные критерии «статуса нации» или же объяснить, почему некоторые группы превратились в «нации», а другие нет, предпринимались часто; они опирались либо на один критерий, например, язык или этническую принадлежность, либо на совокупность таких критериев как язык, общая территория, общая история, культурные характеристики и т.п. Определение, данное Сталиным, является, вероятно,

²³ Дж. Гасанлы, *Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959)*, Москва: Флинта, 2009, 641.

²⁴ Конечно, я не стану отрицать, что любой гражданин может (имеет право) писать какие-то тексты в качестве патриота. Если эти тексты, конечно, не пропагандируют расизм и не призывают к вражде. Только не нужно называть такие *патриотические тексты* научными/исследовательскими монографиями.

наиболее известным, но, безусловно, далеко не единственным подобным опытом. Все эти попытки дать объективное определение нации оказывались безуспешными и по вполне очевидной причине: лишь некоторые из обширного класса соответствующих подобным определениям общностей можно причислить к «нациям» совершенно не задумываясь, а значит, всегда находятся исключения. <...> Да и может ли быть иначе, если учесть, что в жесткие рамки единообразия, всеобщности и постоянства мы пытаемся вогнать явление исторически новое, становящееся, изменчивое и даже в наше время распространенное далеко не всюду? Более того, сами же критерии, используемые в подобных определениях – язык, этнические характеристики и все прочее, являются <...> весьма зыбкими, неустойчивыми и двусмысленными; и путешественнику, желающему определить свое местонахождение, они помогут не больше, чем очертания облаков по сравнению с четкими ориентирами на местности. Разумеется, по этой причине их чрезвычайно удобно использовать в пропагандистских лозунгах и политических программах – но отнюдь не в целях строгого описания²⁵.

При определении такого социально-политического феномена, как нация следует, прежде всего, понимать, его относительно недавнее происхождение. Или точнее относительно недавнее происхождение тех смыслов, которые в это понятие ныне вкладываются. Хобсбаум указывает в своей книге, давно уже ставшей классикой, что:

Подобно большинству серьезных исследователей, я не рассматриваю «нацию» ни как первичное, изначальное, ни как неизменное социальное образование: она всецело принадлежит к конкретному, по меркам истории недавнему периоду. Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с «нацией-государством», и рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет, на мой взгляд, никакого смысла²⁶.

Самый известный из современных историков неомарксистов, Хобсбаум внес и весьма существенный вклад в конструктивистский подход к исследованию нации и национализма. Известный сборник статей под его и Теренса Рейнджера редакцией – «Изобретение традиции»²⁷, к которому введение и заключение написал сам Хобсбаум, был опубликован в 1983 году. В тот год появилась еще одна из наиболее значимых работ – «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона. Эти две работы, как и книга Геллнера «Нации

²⁵ Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780*, 5-6.

²⁶ Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780*, 9-10.

²⁷ E. Hobsbawm, T. Ranger, *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

и национализм», опубликованная в том же году, стали, по справедливому мнению Владимира Малахова, прорывом, новым этапом в исследованиях.

Определение нации по Бенедикту Андерсону необходимо привести подробно, по той простой причине, что никто не дает себе труда обратиться к самой работе, но с готовностью начинает критиковать саму идею наций, как «воображаемых сообществ». В этом я не раз убеждался на различных семинарах. Это отрицание дефиниции Андерсона (или, по словам Малахова, вульгаризация его подхода) состоит в том, что само определение – «воображаемые сообщества» (как и методологические термины конструируемые и конструирование) – сразу же воспринимается в том духе, что Андерсон не считает нации реально существующими. В отличие же от Геллнера, Андерсон не утверждал ничего подобного. Но, для «нормального» постсоветского специалиста, воспитанного на дефиниции Сталина, такой подход (т.е. само известное андерсоновское *воображаемые*) воспринимается как кощунство. В своей же дефиниции Андерсон говорит о том, что нация –

это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но, в то же время, суверенное. Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности²⁸.

Критика этого определения, предлагаемая Йоргом Баберовски, на мой взгляд, является чрезвычайно поверхностной. Впрочем, упомянуть работу Баберовского, безусловно, следует, так как речь идет об одной из немногих масштабных работ, в которых предпринимаются попытки проследить процесс конструирования азербайджанской нации в XIX – первой половине XX в. «Миражом», заблуждается Баберовски, нации считают вовсе не конструктивисты, а конкретно Эрнест Геллнер, который как раз и не принадлежит к этому направлению. Сам Баберовски предлагает рассматривать нацию, как дискурс. Утверждение, что «нация – это дискурс, основанный на правилах, регулирующих как его содержание, так и способ ведения» (2003, 23), безусловно, имеет смысл принимать во внимание. То, что нация конструируется и (что еще важнее) воспроизводится в новых поколениях граждан национального государства дискурсивно, совершенно очевидно. Не стану более подробно останавливаться на представлениях Баберовски. Упомяну только, что он критикует Андерсона еще и за то, что формула «воображаемые со-

²⁸ Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London & New York: Verso, 1991, 6.

общества» может быть применена практически к любому коллективному сообществу людей.

Однако, Андерсон как раз и сам подчеркивает, что воображаемым является любое сообщество, выходящее за рамки сельской общины. С тем, чтобы избежать размытости в определении, Андерсон уточняет, что: «Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются». Специфику присущую стилю воображения именно национального сообщества (а не любых других воображаемых сообществ) Андерсон как раз и описывает:

Нация воображается *ограниченной*, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством.

Она воображается *суверенной*, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушали легитимность установленного Богом иерархического династического государства. Достигая зрелости на том этапе человеческой истории, когда даже самые ярые приверженцы какой-либо универсальной религии неизбежно сталкивались с живым *плюрализмом* таких религий и алломорфизмом между онтологическими притязаниями каждого из вероисповеданий и территорией его распространения, нации мечтают быть свободными и, если под властью Бога, то сразу же. Залог и символ этой свободы – суверенное государство.

И наконец, она воображается как *сообщество*, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество²⁹.

Эти общие критерии не мешают существованию различных стилей воображения самих национальных сообществ. Особенным можно считать и советский стиль. Конечно, не стоит преувеличивать оригинальность этого стиля. Для своего времени дефиниция Сталина была довольно типичной и банальной попыткой, составленной на уровне представлений начала XX века. Однако, большевики все же пошли в своей практической политике гораздо дальше и проявили гораздо большую последовательность и радикальность в институционализации национальных культур, территориальных автономий и персональной этнической идентичности, чем кто-либо до них или после. По словам Юрия Слезкина:

²⁹ Подробнее см.: Anderson, Benedict (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London & New York: Verso. 6-8.

В марксистской доктрине только классовые различия являются значимыми. Капиталисты не придают значения национальным границам в погоне за прибылью, а пролетарии всех стран объединяются ради борьбы с капитализмом. Тем не менее, даже «классики марксизма» рассуждали об «ирландцах» и «поляках» как о реальных субъектах истории, а ко времени русской революции капитализм превратился в «империализм», а национальность стала «вопросом». Большевистский ответ на этот вопрос состоял в том, чтобы признать национальности «объективно» существующими и зачислить их в союзники по борьбе против угнетения. По словам Сталина, «нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на правах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна и все нации равноправны». Нации были реальностью, все реально существующие нации были суверенны, и все суверенные нации имели право на политическое самоопределение на «своей собственной» территории. Нации без территорий реальностью не были; все территориальные границы делились на искусственные и естественные («сообразно «симпатиям» населения»); а естественным результатом симпатий населения было, по словам Ленина, «возможно большее единство национального состава населения. Если для этого требовалось создание бесчисленных «автономных национальных округов», то мировой пролетариат будет состоять из бесчисленных «автономных национальных округов» – сколь угодно малых и сколь угодно непролетарских»³⁰.

В конечном итоге, замечает Роджерс Брубейкер: «Советские институты территориального статуса нации и персональной национальности конституировали всеобъемлющую систему социальной классификации, организовывали «принцип видения и разделения» социального мира, стандартизованную схему социального учета, объяснительную сетку публичных дискуссий, набор пограничных маркеров, легитимную форму для публичной и личной идентичностей» и т. д.³¹. Таким образом, только из перспективы понимания принципов, способов реализации и результатов советской национальной политики, можно прийти к пониманию специфики наций и национализма на постсоветском пространстве (и в Азербайджане в частности)³².

³⁰ Ю. Слезкин, *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*, Москва: НЛО, 2008, 167-168.

³¹ Brubaker, *Nationhood and the National Question*, 48.

³² Безусловно, следует иметь в виду и ту серьезную критику, которой подвергли европоцентристскую (т.е. нация родилась во Франции, Англии, Голландии и пр.) концепцию из перспективы постколониальной теоретической парадигмы. Парта Чаттерджи справедливо критикует подобный подход, указывая на то, что большинство теорий рассматривают национальное устройство современных государств и идеи национализма, как «дары Европы всему остальному миру. Национализм устанавливается для утверждения свободы

Нация и национализм в исследованиях азербайджанских ученых

В постсоветских исследованиях азербайджанских ученых как раз нельзя найти ни теоретических фреймов, ни понимания социально-политического контекста (особенно досоветского и советского), в котором конструировалась азербайджанская нация. Так, одним из банальных клише, в соответствие с которым производилась ревизия нарратива повествующего о формировании азербайджанской нации в период между установлением и коллапсом советской власти, является широко распространенное убеждение в том, что политический режим управлявший СССР препятствовал развитию азербайджанского (как и многих прочих) национального (само)сознания, становлению идентичности, развитию «этноса» и культуры и пр. Вся интерпретация данного периода исходит из ложных посылок и ошибочных представлений о том, что собой представляла советская национальная политика.

Как раз в случае с азербайджанской нацией вполне релевантным можно считать известный тезис Геллнера о том, что национализм предшествует нациям. Этот национализм небольшой группы интеллектуалов конца XIX – начала XX века и был в значительной степени реализован в случае с Азербайджаном, который получил статус союзной республики³³. По крайней

от европейского доминирования. Но в самой сути этого проекта, он остается пленником преобладающей европейской интеллектуальной моды» (P. Chatterjee, *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995, 10). Однако, даже если осторожно (с поправкой на критику колониального) подходить к национализму азербайджанскому, влияние европейских идей на его становление и развитие представляется определяющим. Все ключевые деятели националистических групп, партий и движений начала XX века получили европейское образование. Трудно усмотреть какие-то оригинальные, отличные от идеологии европейского национализма, идеи в текстах Агаева, Топчибаши или Расуладе. Это все те же модные с XIX века рассуждения о языке и культуре. Эти идеи интересны в контексте изучения истории Азербайджана и истории формирования и развития идей азербайджанского национализма, но не как оригинальный вклад в националистическую идеологию. Впрочем, Хобсбаум (и не только он) справедливо указывает на то, что только две идеи приобрели наибольшую популярность в мире второй половины XIX – начала XX в.: марксизм (социализм) и национализм. Однако, в отличие от марксизма, национализм не может похвастаться тем, что в числе его «прародителей» или идеологов оказался бы хоть один великий/крупный философ или ученый. Банальность идей и представлений – это общая черта всех идеологов национализма.

³³ В ряде своих статей Баберовски, на мой взгляд, занимает гораздо более четкую и аргументированную позицию, чем та, которая представлена в монографии. Так, по его словам, до реализации советского национального проекта «в сельских районах Кавказа было мало проезжих дорог, целые области оставались практически отрезанными от “цивилизации”. Учителя и врачи жили в лучшем случае в уездных центрах. Деревни и аулы кочевников уз-

мере, в части «европеизации» и, учитывая, конечно, специфику советского режима, а также цели проводимой национальной политики.

В годы СССР был полностью реализован проект территориального разделения пространства империи по принципу «национальных домов». Этот проект территориализации наций сопровождался ускоренной модернизацией, урбанизацией, коренизацией элит и всеми прочими практиками конструирования этнонаций³⁴. Элемент этой политики, который представляется чрезвычайно важным для понимания также и постсоветской специфики «расцвета» национализма – это крайне высокая степень институционализации персональной этничности в СССР. Именно в результате реализации советской национальной политики этничность стала повсеместно считаться неотъемлемой, сущностной, базовой характеристикой любого человека³⁵. Но, например, Алиага Мамедли продолжает утверждать, что в советский период «власти прилагали немалые усилия для размывания этничности, и советское государство насильно формировало во многом деэтнизированную социальную общность под названием “советский народ”. Именно как реак-

навали о существовании внешнего мира лишь по налетам бандитских шаек и приездам русских следователей. В тюркских деревнях сохранялось узколокальное чувство идентичности: границы деревни совпадали с границами мира. Здесь были актуальными разве что противоречия между суннитами и шиитами, христианами и мусульманами, кочевым и оседлым населением. Представления о нациях как таковых у деревенских жителей не существовало. В окружении враждебного мира, весьма далекого от органов государственной власти, крестьяне осознавали себя как члены рода, клана или религиозной общины. В этих условиях постулат националистов о том, что мусульмане Бакинской и Елизаветпольской губерний являются представителями азербайджанской нации, лишился всякого смысла» (Й. Баберовски, «Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828-1914 гг.», в И. Герасимов, С. Глебов, С. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов (ред.), *Новая имперская история постсоветского пространства*, Казань: ИЛО, 2004, 352).

³⁴ «Нет никаких сомнений в том, что элиты в Российской империи и в Советском Союзе мечтали о рационально спланированном и упорядоченном мире. Они верили в то, что институты могут изменять по своему усмотрению и контролировать общества, нации и экономические уклады. Эта вера в безграничность возможного являлась одновременно легитимирующим фактором и опорой коммунистической власти в Советском Союзе» (Й. Баберовски, «Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи», *Ab Imperio*, № 3, 2008, 74).

³⁵ Как отмечает Сеймур Беккер, по сравнению с реформами в империи Габсбургов: «Более тщательно продуманная и построенная на этнической основе федерация была создана большевиками, но она служила, главным образом, для завуалированного возрождения ими централизованной Российской империи. Однако структура Советского Союза и советская политика существенно укрепили национальные идентичности» (С. Беккер, «Россия и концепт империи», в И. Герасимов, С. Глебов, С. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов (ред.), *Новая имперская история постсоветского пространства*, Казань: ИЛО, 2004, 79).

ция на эти процессы накануне распада СССР среди большинства этносов страны наблюдался значительный рост этнической солидарности»³⁶.

Впрочем, дело даже не в том, что Мамедли строит свой анализ на совершенно неверной посылке относительно сути, содержания и результатов советской национальной политики. Эту идею, которую воспроизводит Мамедли, Брубейкер метко обозначил, как «миф возвращенного подавленного». Мамедли в этой критике совсем не одинок. Важнее упомянуть, что данный текст еще один яркий пример примордиалистского подхода – когда нация становится результатом развития этноса. В представлениях Мамедли существовала какая-то *правильная этничность*, которую развивали досоветские националисты и которую разрушали советские деятели. Безусловно, советский дискурс утверждал неизбежность обязательного слияния всех граждан Союза в единый советский народ. Однако, в отличие от наступления победившего социализма или даже коммунизма, слияние всегда оставалось абстракцией. Оно должно было произойти когда-нибудь в будущем. Реальным же был факт постоянного подчеркивания многонациональности *советского народа*.

Оговорюсь, что я упоминаю в своем эссе только самые интересные работы. Большая часть производящейся макулатуры и не стоит упоминания. Работы Мамедли, безусловно, отличаются тем, что он пытается анализировать советскую национальную политику и не ограничиваться каким-то банальными реляциями. Например, советское – синоним плохого. Он же разрывает и этот заговор молчания о «нашем», азербайджанском национализме. До сих пор очень редко о деятелях начала XX века говорят как о националистах, не в смысле *критики* (о, боже, они были националистами!), а в контексте исследовательского анализа идеологий того периода. И все же даже в этих наиболее интересных работах весь анализ остается в строгих рамках примордиализма и историцизма.

Причем, авторы часто употребляют странные словосочетания и понятия, которые призваны, видимо, добавить наукообразности анализу. Например, у Мамедли можно встретить пассажи об «*интервенции этнически чуждых идеологем*» (?!) или об «*этнических константах, которые оказывались в ядре центростремительных процессов в этносе*» и т.п. Вспоминаю растерянность советский людей, вдруг узнавших в 1990-е, что среди русских есть фашисты. И теперь еще в медиа можно услышать что-то вроде – как русские могут быть фашистами, после войны с немцами? Вот тут бы очень кстати пришелся специалист, который бы обязательно заявил – *это ведь этнически чуждая*

³⁶ А. Мамедли, *Современные этнокультурные процессы в Азербайджане: основные тенденции и перспективы*, Баку: Университет Хазар, 2008, 61.

«нам» идеологема! Или, как логическое продолжение такого анализа – это этнически присущая немцам идеологема (?!).

Единственная известная мне работа, автор которой пытается хоть как-то обозначить теоретические фреймы анализа – это книга Айдына Балаева, посвященная Мамеду Эмину Расулзаде. Недавно узнал, что Балаев уже успел написать и другую монографию. И теперь он претендует на позицию автора, предпринявшего первую попытку описать формирование азербайджанской нации в контексте идей модернизации. Пока этой книги, к сожалению, в руках не держал. Но если автор продолжает в том же духе, что и в прежних своих патриотических работах, то и он остается в рамках *патриотического примордиализма*, причем сам того не понимая.

Эта работа хороший пример того, как автор, обладающий самыми поверхностными знаниями в области теории национализма и нациостроительства, заявляет о себе, как об эксперте. Это яркий пример того, как фактическое отсутствие среды специалистов, в которой тексты монографий должны обсуждаться, приводит к какому-то нагромождению ляпсусов. Чего стоит одна только цитата из Геллнера, что «национализм создает нации, не существует без государства и является политическим принципом» (?!). Где Балаев почерпнул эту цитату понятно только ему. Скорее всего, неправильно перевел фразу, с которой начинается этот теперь уже классический труд: «Национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать». То есть Геллнер утверждает в своей работе, что национализм предшествует нациям и национальным государствам.

С одной стороны, Балаев утверждает, что «начиная с 60-70-х годов XX века в мировой науке получила распространение новая модернистская концепция о происхождении нации, которая быстро завоевала ведущие позиции в западной этнологии. <...> В своих исследованиях Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Д. Смит и другие представители модернистского направления подчеркивают, что, хотя нации всегда стремятся представить себя ведущими свою историю из глубины веков, на деле все они продукт современной эпохи и начали развиваться в Европе, а позднее и в других частях мира, начиная со временем Великой Французской революции конца XVIII века»³⁷.

Однако, с другой стороны, «в качестве «сырья» для современных наций используется культурное, историческое и прочее наследие этнических общностей донационалистического мира. В этом отношении у современных наций, несомненно, есть глубокие корни в более ранних этнических сообще-

³⁷ А. Балаев, *Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955)*, Москва: Флинта, 2009, 7-8.

ствах» и пр.³⁸. Балаев дистанцируется от примордиалистского подхода, но, видимо, не очень понимая, в чем последний состоит. И, в результате, как раз и заявляет о себе как о его стороннике. Среди противоречивых пассажей Балаева можно встретить и прямое заявление о приверженности примордиализму. И у него именно «этноссы обретают черты нации»³⁹.

Впрочем, это далеко не единственное противоречие. По Балаеву, все начинается с национализма, но при этом «национализм – это форма выражения национальных интересов». Но если пока еще нет нации, а она только начинается, то откуда у того, чего пока нет, могут быть интересы? Расулзаде у него становится творцом первого национального государства на мусульманском Востоке. Политическая элита сформулировала основы национальной идентичности и начала ее внедрение в массы. В общем, интеллектуалы – националисты начала XX века, конечно, пытались как-то наладить эту работу. Но получилось ли?

Для приверженца модернистской концепции должно быть совершенно очевидно, что нет, не получилось. Успели или не успели – это уже другой вопрос. Обращусь к Анатолию Вишневному, который предлагает очень интересный анализ событий XIX-XX вв. как раз из перспективы модернизации. Модернизация – это «превращение из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, *холистского* в современное, индустриальное или “постиндустриальное”, городское, демократическое, *индивидуалистское*». По его мнению, речь идет о «великой социальной мутации»⁴⁰. Думает ли Балаев, что меньше чем за два года политической элите удалась эта мутация? Он, скорее, верит в это. Как националисты верят в пробуждение нации, он (историк – патриот), в свою очередь, верит, что Расулзаде стал будильником для азербайджанской нации.

В общем, об этой неряшливой попытке можно сказать, перефразируя классика: все смешалось в представлениях Балаева. Откуда такая уверенность, что в 1960-1970-е гг. теория модернизации стала превалировать в этнологии? Неужели он серьезно думает, что с тех пор все развитие социальной теории замерло? Прямо как при советской власти, установилась какая-то одна парадигма, и с тех пор все в ее рамках и анализируется. А на дворе уж давно XXI век. Наверное, почерпнул эту идею у Энтони Смита, которого большинство серьезных специалистов и критиков считают сторонником примордиализма, который в своих работах как раз и выступает критиком

³⁸ Балаев, Мамед Эмин Расулзаде, 9

³⁹ Балаев, Мамед Эмин Расулзаде, 9

⁴⁰ А. Вишневицкий, *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*, Москва: О.ГИ., 1998, 6.

«модернистов». В число последних он записывает всех тех, кто считает, что нации имеют относительно недавнее происхождение. В общем, вместе с Балаевым он как раз и думает иначе. Только Балаев об этом, видимо, не знает, и выдает идеи про предшествующий нации этнос и его глубокие корни, как свои «оригинальные» мысли.

В довершении всего, он еще свалил в одну кучу со Смитом и Геллнера, который, безусловно, не чужд идей модернизации, но является автором оригинальной теории национализма. Важнее, впрочем, подчеркнуть, что Геллнер, в отличие от Балаева, не только не считает, что нации были укоренены в каких-то донациональных этносах, но и вообще считал нации фикциями. С ними в одной компании оказался еще и Бенедикт Андерсон – один из наиболее ярких и известных представителей социального конструктивизма, который как раз и предлагает перспективы преодоления рамок теории модернизации.

Впрочем, куда «оригинальнее» Балаева смотрится, например, Мариам Сеидбейли. Как бы упомянув основные теории, она заключает: «На наш взгляд, в отношении диаспоры как части этноса продуктивен, прежде всего, примордиалистский подход, выделяющий, главным образом, изначальную этничность на основе кровного родства, общего происхождения, исконной территории»⁴¹. Вот здесь все по-честному. Без попыток выдавать себя за противника этого подхода. Самой Сеидбейли, видимо, неизвестно, что примордиалисты сами себя так не величают. Этот термин пришел скорее из критики таких представлений. В общем, никогда не видел, чтобы кто-то заявлял столь прямо о такой своей позиции.

Наивный Малахов утверждает, что «в исследованиях 1980-х гг. примордиализм был подвергнут столь сокрушительной критике, что сегодня на откровенно примордиалистских позициях стоят немногие (среди этих смельчаков российский этнолог Сергей Арутюнов)»⁴². Но и ему не приходит в голову говорить: я – примордиалист. Вспоминаю и Брубейкера, который не менее наивно думает, что этот подход изжил себя, превратился в «соломенное чучело». Однако, есть еще порох в пороховницах. Не все еще перевелись смельчаки.

Упомяну еще несколько работ. Например, один из известных в Азербайджане историков предлагает разделять этнические группы в соответствие со следующими статусами: «Азербайджанская Республика – полиэтничное государство, народ которого представлен титульным этносом (азери) и ав-

⁴¹ М. Сеидбейли, *Азербайджанская диаспора в России. Особенности и тенденции формирования и развития (1988-2007 гг.)*, Баку: Элм, 2009, 18-19.

⁴² Малахов, *Национализм как политическая идеология*, 52-53.

тохтонными национальными меньшинствами (удинами, ингилоями, кризами, хиналугами, будугами, татами, тальшами, лезгинами), которые не имеют, помимо исторического Азербайджана, другой Родины, и поэтому вместе с азерами вправе считаться представителями единой полиэтничной нации азербайджанцев. Кроме них, в Республике проживают русские и украинцы, белорусы и аварцы, курды и цахуры, евреи и армяне, греки и новоассирийцы, немцы, татары и ахыска, имеющие, каждый соответственно, собственную историческую Родину, и поэтому они могут быть отнесены к аллохтонным национальным меньшинствам на азербайджанской земле» (по указанию самого Гусейнова, «Дефиниция «исторический Азербайджан» подразумевает земли как северного, так и Южного Азербайджана, общей площадью более 300 тыс. кв. км.»)⁴³. Еще один яркий пример советского дискурса, замаскированного с помощью новомодной терминологии.

Впрочем, по моим наблюдениям, этнические группы в Азербайджане, безусловно, приписаны к различным статусам. Однако, подобная ситуация, как правило, не проговаривается в официальных документах. В официальной идеологии постсоветского национализма – «Азербайджанства» («Azərbaycançılıq») – нет, как мне кажется, четкого понимания того, как следует понимать азербайджанскую нацию. В определенной степени, идеология «Азербайджанства» содержит в себе концепцию азербайджанской нации как согражданства. Однако, в реальности ситуация более сложная. Нет оснований утверждать, что сформировался консенсус во взглядах на то, конструируется ли политическое сообщество азербайджанцев как граждан одной страны или речь идет об одной доминирующей этнокультурной нации и многих, так называемых, «национальных меньшинствах».

«Азербайджанство» (как и большинство других националистических идеологий) в комбинированной форме содержит в себе черты обеих версий (гражданской и этнокультурной) воображаемого сообщества. Вместе с тем, центральное место в идеологии «Азербайджанства» отводится эссенциалистскому дискурсу о «генетической толерантности» азербайджанских тюрков. Все те, кто не относится к данной категории населения, с одной стороны, являются составной частью «азербайджанского народа» [Azərbaycan Xalqı (народ), но не Azərbaycan Milləti (нация)], а с другой, должны быть всегда благодарны доминирующей группе за наличие у ее членов этого уникального свойства «коллективного (национального) характера». Если исходить из идеологии «Азербайджанства» (а не Конституции, перед которой все граждане равны), то получается, что именно толерантность азер-

⁴³ Рауф Гусейнов, *Концепция национальной политики Азербайджанской республики*, Баку: 2003, 3-4.

байджанских тюрков позволяет представителям всех остальных этнических групп проживать в стране.

Продемонстрировать противоречивую специфику этой идеологии можно на примере двух капитальных трудов по этнографии Азербайджана, опубликованных в постсоветский период. В традициях классической этнографии был подготовлен коллективный труд сотрудников Института археологии и этнографии – «Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк»⁴⁴. В этой работе была отведена отдельная глава для «национальных и этнических меньшинств в Азербайджане». Однако в соответствии с уже сформировавшейся идеологией «Азербайджанства» авторы утверждали, что, несмотря на принадлежность к различным языковым группам и «специфические черты», общие ценности («азербайджанская земля» как общая родина, азербайджанский язык как средство межгруппового общения и «культура межэтнического сосуществования») становятся основой для единства, которое авторы текста обозначают как «народ Азербайджана».

В последнем масштабном этнографическом труде сотрудников того же института под редакцией академика Тимура Буниятова, опубликованном в 2007 году в трех томах, содержится описание традиций, особенностей быта, архитектуры, одежды, кухни и пр. То есть эта работа также составлена в духе классического этнографического исследования⁴⁵. Но основную свою задачу авторы видят в изучении «этногенеза народа». Поэтому, подчеркивает редактор трехтомника, в первом разделе рассматривается история «аборигенного населения Азербайджана» на протяжении «двух миллионов лет»⁴⁶. Этой весьма протяженной истории «азербайджанского народа» (Azərbaycan Xalqı) посвящены, в числе прочего, географический и исторический очерки, предваряющие описание этнографических особенностей быта и культуры⁴⁷. В тексте уже не содержится никаких упоминаний об этнических группах, хотя описывается население всего Азербайджана, в том числе и регионы, населенные компактно талышами или лезгинами. Фактически, это работа, составленная в духе «национализирующего национализма», описывает все население страны как азербайджанцев [в работе речь идет об азербайджанском народе (Azərbaycan Xalqı)]. «Специфические черты» (разные типы домов, разница в традиционной одежде и пр.) становятся региональными особенностями единого народа, который авторы (задавшиеся

⁴⁴ А. Абасов (ред.). *Азербайджанцы. Историко-Этнографический очерк*. Баку: ЭЛМ, 1998.

⁴⁵ T. Bünyadov (baş red.), *Azərbaycan etnoqrafiyası*. Üç cilddə, Bakı: Şərq-Qərb, 2007.

⁴⁶ Bünyadov (baş red.), *Azərbaycan etnoqrafiyası*, 7

⁴⁷ Bünyadov (baş red.), *Azərbaycan etnoqrafiyası*, 13-20; 21-66.

целью предложить этнографическое описание всей страны) не разделяют на нации и «этнические меньшинства».

Можно сказать, что этот масштабный труд находится в явном противоречии с работами этнографа Гамаршаха Джавадова, который сконцентрировался как раз на этнографических исследованиях этнических групп⁴⁸. В результате мы имеем как бы две версии, два подхода к описанию населения страны. Какая из тенденций одержит верх – покажет только время.

Вместо заключения: Пессимистическая комедия, или Традиция как оковы

Когда я начинал работать над этим эссе, думал назвать его «Пессимистическая комедия». Конечно, по аналогии с известной пьесой лауреата Сталинской премии Всеволода Вишневского и еще более известным фильмом, снятым в 1963 году, «Оптимистическая трагедия». Потом родилось это странное словосочетание – патриотический примордиализм. При всей своей неуклюжести, оно, на мой взгляд, довольно точно передает ситуацию в области исследований феноменов нации и национализма в Азербайджане.

Все же утверждать, что примордиализм и патриотизм всегда связаны будет явным преувеличением. Энтони Смит, безусловно, примордиалист не в силу своего патриотизма. А вот к обозначению ситуации в азербайджанской науке это словосочетание очень подходит. В этом смысле, ученые-исследователи определенным образом вернулись в XIX век. В век романтического национализма. Когда ученые, как бы исследуя нации, на самом деле разрабатывают идеологию. Творят (или лучше конструируют) свои нации.

Центральной особенностью этого творчества, как следует из данного эссе, я считаю присущую ему советскость. Простых деклараций, что вот, мол, советское было плохое (оно размывало «нашу» этничность, лишало «нас» «нашей» национальной культуры) оказалось недостаточно. Нужно было серьезно переучиваться. Но практически никто из ученых не стал затруднять себе этим жизнь. Советское же наследие оказалось куда глубже. Оно укоренено в дискурсе, в самом нашем языке, в нашем способе описывать социальный мир. Причем, оказалось, что чисто декларативно отказаться от советского очень просто. Достаточно только верить в то, что в годы СССР этничности не институционализировались, а размывались. Культуры не создавались, а уничтожались. А в остальном можно продолжать говорить тем же языком – советского националистического дискурса. Только теперь еще и замкнутого в скорлупу национального государства.

⁴⁸ Qəmərşah Cavadov, *Azərbaycanın azsaylı xalqları və milli azlıqları*. Bakı: Elm, 2000; Qəmərşah Cavadov, *Talışlar. Tarixi-etnoqrafik tədqiqat*. Bakı: Elm, 2004.

Франц Боас, один из отцов-основателей современной антропологии, как-то признался: «Все мои взгляды на жизнь общества определяются вопросом: как можем мы распознать оковы, в которых держит нас традиция?»⁴⁹. Так, вот распознать эти оковы советской традиции можно. Только стремятся ли к этому ученые и исследователи? Ведь куда комфортнее оставаться в границах привычного и такого уютного патриотического и примордиалистского дискурсов. Тем более, когда есть еще и убеждение, что эти дискурсы прямо-таки антисоветские!

⁴⁹ Цитируется по: Ю. Слезкин, *Эра Меркурия: Евреи в современном мире*, Москва: Новое Литературное Обозрение, 2007, 133.